

Приграничные сельские территории Забайкалья: развитие или деградация? (заметки социолога)*

О.П. ФАДЕЕВА, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск. E-mail: fadeeva@ieie.nsc.ru

В статье обобщаются результаты экспедиционного исследования в Приаргунском районе Забайкальского края в 2013 г. Рассматриваются проблемы функционирования сельского хозяйства в приграничной зоне и специфика землепользования, дается оценка потенциала трансграничного сотрудничества в аграрной сфере, а также влияния эффекта «трансграничья» на развитие сельских территорий и социально-экономическое положение местного населения.

Ключевые слова: Забайкальский край, Приаргунский район, сельское развитие, трансграничные отношения

Особенность Забайкальского края – его ярко выраженное периферийное положение. Удаленность от основных промышленных центров России в сочетании с наличием уникальных природных ресурсов и пограничным положением порождает сильную зависимость возможностей развития региона от экономической и политической конъюнктуры. Сельское хозяйство из-за не самых благоприятных природно-климатических условий никогда не было главным движущим локомотивом Забайкалья, но за годы постсоветских реформ положение дел в этой отрасли заметно ухудшилось. В наибольшей степени деградировало животноводство, на котором традиционно специализировалось сельское хозяйство Забайкалья. С начала 1990-х гг. почти на порядок сократилось поголовье овец (с 4 млн до 500 тыс. голов), практически прекратилось производство собственной молочной продукции.

* В основу статьи положены материалы экспедиции по приграничным районам Забайкальского края, которая состоялась в июне-июле 2013 г. в рамках работы по междисциплинарному интеграционному проекту СО РАН № 146 «Трансграничные отношения в азиатской части России: комплексная оценка преимуществ и угроз». При участии автора были проведены углубленные интервью с руководителями и специалистами министерств Забайкальского края, администраций Приаргунского и Забайкальского районов, а также двух приграничных муниципальных образований; руководителями и работниками предприятий приграничных районов.

В 10 раз уменьшились площади обрабатываемой земли, что отчасти связано с выводом из оборота земель низкого качества, хотя далеко не все залежные земли исчерпали свой потенциал продуктивности. Технический парк сельхозпроизводителей, по оценкам экспертов, изношен почти на 90%, при этом темпы замены крайне низки – приобретение новой техники в течение года позволяет обновить только 3% имеющегося парка при нормативных 12%.

На общем неблагоприятном фоне ряд приграничных сельских районов края вследствие плодородности почв, своевременно принятых мер по восстановлению племенного стада и модернизации аграрного производства сохранили свой потенциал. На примере одного из таких районов мы рассмотрим текущие проблемы развития сельских территорий, а также влияние фактора «трансграничности», которое, как будет показано далее, может иметь различные и далеко не однозначные последствия.

Реалии сельского Забайкалья

Приаргунский район расположен в юго-восточной части Забайкалья на расстоянии более 600 км от Читы. Большая часть района представляет собой холмисто-равнинную степь. Площадь земель сельскохозяйственного назначения превышает 300 тыс. га. По территории района протекает река Аргунь, являющаяся естественной границей между РФ и КНР. Приаргунский район не без оснований считается главной житницей Забайкалья. Получаемый здесь урожай формирует половину краевого резервного фонда зерна. Местная твердая пшеница пользуется высоким спросом у мукомолов соседних регионов. В районе развиваются племенное овцеводство и мясное скотоводство. Доля находящейся в хозяйственном обороте земли сельскохозяйственного назначения, по забайкальским меркам, высока (более 60%), в то время как в соседнем Забайкальском районе – около 20%.

Только треть ранее существовавших в районе крупных хозяйств пережили период экономических реформ. По оценкам местных экспертов, в районе сохранилось всего пять более или менее работоспособных сельскохозяйственных предприятий. Кроме того, действует вновь образованное совместное российско-китайское сельскохозяйственное предприятие и 44 фермерских хозяйства. Трудности переходного периода преодолели только те предприятия, которые смогли избежать участия в высокорис-

кованных проектах и экспансии внешних инвесторов и в основном действовали «по старинке» – согласно традициям ведения хозяйства в этих местах. Крахом закончился проект по строительству крупного свиного комплекса, на который выделялись и государственные средства. В момент нашего пребывания в районе завершился процесс продажи недостроенных зданий и передачи в долгосрочную аренду земли комплекса российско-китайскому предприятию по остаточной стоимости, которая оказалась на порядок ниже инвестиционных вложений.

Усугубившаяся с начала реформ техническая отсталость хозяйств района и снижение агротехнической культуры делают их беззащитными перед капризами природы. Урожайность зерновых в течение двух-трех лет может колебаться от 8 до 30 ц/га. Часть возникающих убытков в связи с засухой компенсирует государство, но в основном они ложатся на плечи производителей, не позволяя им вырваться из «порочного круга» и перейти на другие технологии, обновить технику и посевной материал. Не только низкий, но и хороший урожай может стать для хозяйств района большим «бедствием» из-за нехватки рабочих рук и высокопроизводительной техники.

Из интервью с представителем администрации района: *«В 2009 г. в районе было собрано 79 тыс. т зерна, а потом произошел резкий спад. В засушливом 2010 г. урожай снизился до 54 тыс. т, в 2011 г. – до 37 тыс. т. В 2012 г. вновь было намолочено 70,4 тыс. т. Сезон 2013 г. также обещает быть удачным. Но в основном у нас парк техники устаревший. Возможности обновить его очень небольшие, тем более что за два засушливых года мы на 308 млн руб. понесли убытков. Вот в этом году урожаем будет хороший, но мы на имеющихся у нас комбайнах при его уборке задохнемся. Мы просто-напросто оставим его на полях».*

В последние годы в районе постепенно восстанавливается производство тонкорунной шерсти, за счет которой в советское время процветали местные колхозы и совхозы, отстраивались села, возводились объекты социально-культурного назначения. В рамках краевой программы развития мясного животноводства район пытается перейти на более экономичную технологию откорма животных на открытых площадках (фидлотах). Затраты на обновление племенного маточного поголовья скота породы «герфорд» и абердин-ангусской, а также сохранение аргунской

породы овец в районе весьма существенны, но отдача невысока из-за низких закупочных цен на мясо и шерсть. Вследствие нехватки перерабатывающих мощностей и район, и край в целом скорее служат «сырьевым придатком» соседних регионов России и Китая, нежели решают задачу продовольственного самообеспечения.

Технико-технологическая отсталость местных хозяйств сопряжена с дефицитом кадров разных квалификаций и специальностей, который серьезно влияет на перспективы развития хозяйств. Как делать ставку на племенное животноводство при острой нехватке зоотехников, ветеринаров, чабанов? Как справиться с богатым урожаем, если хозяйству отчаянно не хватает механизаторов и водителей? Корень этих и других проблем лежит в сверхнизких ставках оплаты труда. Средняя зарплата даже в самых сильных хозяйствах – овцеводческих племзаводах – 3–4 тыс. руб. в месяц. Но и с выплатой такого вознаграждения у предприятий постоянно возникают проблемы. Дефицит оборотных средств заставляет руководителей в первую очередь оплачивать счета энергетиков и поставщиков ГСМ, делать налоговые и прочие отчисления, а работникам платить по остаточному принципу.

Из интервью с руководителем сельхозпредприятия: *«Как бы вот только нормализовать выплату заработной платы?! Хотя бы вот такую мизерную зарплату платить стабильно! Я думаю, тогда бы дела поправились. Налоги давят, к тому же все же нужно для ведения хозяйства купить, поэтому-то с деньгами напряг. Электроэнергия дорогая, а у нас овцеводческие стоянки все электрифицированы».*

Подобная чехарда с оплатой труда приводит к тому, что вымываются наиболее квалифицированные и производительные кадры, и закрывается сама возможность их омоложения. В итоге руководители хозяйств вынуждены мириться со снижением трудовой мотивации и дисциплины оставшихся работников и всеми подручными средствами вести борьбу с пьянством и социальной апатией.

Однако, несмотря ни на что, кадровый костяк в избежавших банкротства сельхозпредприятиях все же сохранился. Причина подобной лояльности кроется в симбиотическом сосуществовании крупных хозяйств и частных подворий, в основе которого лежит комплексная система натуральных выплат

и льгот, которыми предприятия обеспечивают своих работников и жителей села. В ведомственных пекарнях население покупает хлеб по 6 руб. за булку, работники вправе выписать по льготной цене муку и мясо местного производства. Кроме того, они могут рассчитывать на получение «бесплатных» ресурсов для ведения своих семейных хозяйств (зерно, зерноотходы, сено, молодняк животных), а также «выписывать» технику для собственных нужд. Причем рыночная стоимость продуктов и услуг, получаемых работником в качестве натуральной оплаты, как правило, многократно превышает годовую сумму денежного вознаграждения.

Из интервью с руководителем сельхозпредприятия: *«Механизатор, который занят на производстве, неплохо получает – до 10 до 30 т зерна, так как у хозяйства проблема с его реализацией. Животноводы в переводе на заработанный рубль получают или зерно, или ягнят. Зерна они получают меньше, чем механизаторы, занятые на производстве зерна, – от 5 до 15 т».*

В этих условиях закономерен рост поголовья скота, овец, свиней, коз в личных хозяйствах населения. Продажа продукции, произведенной в этих хозяйствах, по сути дела, является способом монетизации натуральных доходов работников сельхозпредприятий, чему способствуют наличие большого числа свободных пастбищных угодий, доступность естественной кормовой базы. Подтверждение этому – появление крупных личных подсобных хозяйств (от 150 до 350 голов скота). Для их круглогодичного содержания за пределами сел организуется сеть животноводческих стоянок, на постоянной основе нанимаются работники. Большинство владельцев подобных площадок и ферм отказываются регистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей и функционируют как «неформаль». Особенных стимулов «выйти из тени» у них нет, государство их практически не замечает и не стремится включить в регистрируемый статистикой и налоговыми органами хозяйственный оборот. Если бы местные производители получали хотя бы часть той поддержки, которую государство в соседнем Китае оказывает своим сельхозпроизводителям, то, по мнению некоторых респондентов, процесс давно сдвинулся бы с мертвой точки.

Из интервью с представителем администрации района: *«У наших соседей – китайцев – нет проблем с реализацией сельхозпродукции. Они закупили завод по производству сухого*

молока, по-моему, швейцарский поставили. У них там хуторки небольшие, стояночки – там раньше юрты стояли, корявые избышки. А сейчас там все строят современное, приятно посмотреть на все это. Вот едешь по дороге и видишь – стоят фляги: 5, 6, 10 фляг стоит. Идет машина, их собирает, сливает, а эти бидоны остаются».

Запас прочности забайкальских сельских территорий во многом определяется живучестью рудиментарной системы «колхозного патернализма», в которой немалую роль в решении инфраструктурных и социальных проблем сельского поселения играет действующее на его территории сельхозпредприятие. Принятие им «социальной» ответственности во многом носит добровольно-вынужденный характер и инициируется руководителями хозяйств, прекрасно осознающими неразрывную связь территории, ее жителей и судьбы предприятия. Поэтому помощь идет всему селу – без разбора на «своих» и «чужих».

Из интервью с главой муниципального образования: *«В сельсовете же нет своей техники. Чаще всего мы потом рассчитываемся с хозяйством за все работы, но в основном оно все выполняет для нас в долг. Вот надо нам что-то там подчистить, расчистить, привезти, в общем, много чего нам надо – мы к ним обращаемся. Подвоз воды населению тоже хозяйство осуществляет – за деньги, конечно, но по божеской очень цене. Подвоз угля, топлива – все это тоже их забота. Даже погребальные услуги – до сих пор это все бесплатно для населения делается в хозяйстве».*

Из-за дефицитности бюджетов сельские муниципалитеты активно не способны исполнять все возложенные на них полномочия. К тому же в Забайкальском крае порядок исполнения местного бюджета жестко регламентируется вышестоящими органами.

Из интервью с представителем администрации района: *«В среднем каждое муниципальное образование имеет 700–800 тыс. руб. в год собственных доходов. Связаны они еще соглашениями: 40% собственных доходов они должны направить на заработную плату, 20% – на ЖКХ. Также у них подписано соглашение с районной администрацией о расходовании средств на сельские культурные учреждения и библиотечное обслуживание. Финансовых ресурсов для решения других вопросов у них практически нет».*

Несоответствие объемов обязательств органов местного самоуправления и их бюджетной обеспеченности делает позицию главы поселения весьма уязвимой перед административной системой: любое неисполнение в срок предписанных свыше обязательств может стать поводом для применения санкций и даже судебного разбирательства. В результате районные администрации обеспокоены тем, что *«очень сложно подобрать главу поселения. Мы уже в ближайшее время столкнемся с проблемой, что никто не пойдет работать на эту должность»*. Таким образом, дефицит кадров становится головной болью не только для руководства сельхозпредприятий, но и для «властной вертикали».

Проблемы аграрного развития в Забайкалье также вызваны неурегулированностью земельных отношений – прежде всего, регистрации прав земельной собственности. Земля сельскохозяйственного назначения в районе находится преимущественно в общедолевой собственности сельских жителей, получивших ее в ходе приватизации колхозов и совхозов. Величина одной земельной доли существенно выше, чем в большинстве российских регионов: в Приаргунском районе – от 35 до 41 га, в соседнем Забайкальском – 88 га. Доля «легализованной» земли тоже серьезно колеблется по районам и поселениям – от 10% до 30–40%. Вследствие этого нередко возникает проблема хозяйственного использования земель, не имеющих регистрации прав собственности. На практике это выглядит так: Россельхознадзор выписывает штрафы хозяйству за то, что оно не обрабатывает находящиеся в зоне его ответственности поля, а органы юстиции – наказывают за то, что не на все обрабатываемые земли у хозяйства имеются документы о регистрации права собственности или правильно юридически оформленные арендные соглашения. Большую проблему для местных администраций представляют так называемые «невостребованные земли» с неустановленными владельцами.

Инициаторами правового оформления земельных отношений, как правило, выступают действующие сельхозпредприятия, которые берут на себя все организационные и материальные затраты по регистрации прав собственности своих дольщиков-арендодателей, а также обязанности по формированию и межеванию земельных участков. Эта работа происходит при посредничестве глав сельских поселений, заинтересованных в увеличении налоговых поступлений в местные бюджеты. В тех селах, где спроса

на землю нет, номинальные владельцы земельных долей интерес к оформлению своих прав не проявляют, и верх, как правило, одерживают правила общинного землеустройства и «обычного права»: сено местные жители косят на «родовых» покосах, которые исторически были поделены между односельчанами. Так же, независимо от «формальных» границ собственности на землю, пасется частный скот.

Парадокс состоит в том, что у глав муниципальных образований нет сильной мотивации для того, чтобы заниматься оформлением прав собственности для повышения налоговых доходов местных бюджетов. Система межбюджетных трансфертов построена таким образом, что в случае недобора соответствующих налогов сельсовет получает компенсации. Если же инициативный сельский мэр сможет добиться увеличения доходной части своего бюджета, то эти дотации снижаются. К тому же повышение налоговой нагрузки на главного землепользователя – местное сельхозпредприятие – может негативно сказаться на его финансовом положении.

Из интервью с главой муниципального образования: *«Вы, наверное, знаете, что смысла мне нарачивать свои поступления в бюджет, зарабатывать деньги – нет! У меня 500 или 600 тыс. руб. своих доходов со всех этих налогов, а в других поселениях – 50–60 или 100 тыс. руб. или вообще нет. Но им это без разницы, они так же живут, как и я. Своему же хозяйству (СПК) если я буду предъявлять больше налогов, тем самым помочь его разрушить, если они будут мне за всю землю налоги платить. А смысла мне нет заставлять их заплатить 300–400 тыс. руб. в год – ведь в этом случае у меня на эту сумму дотацию уберут».*

Заметим, что эта проблема – общая для всех сельских муниципальных образований России, одним из основных источников доходов бюджетов которых является налог на землю. Наиболее остро она проявляется там, где нет активной хозяйственной деятельности.

Специфика ведения сельского хозяйства в приграничной зоне

Приграничный статус территории оказывает на ситуацию в районе многогранное воздействие. Размещение пограничных войск и таможенных служб является важным фактором

пополнения районных бюджетов (за счет НДФЛ). Однако бенефициарами в этом случае оказываются, как правило, районные центры. Для сельхозпредприятий, рядом с которыми размещены пограничные заставы, влияние последних не всегда позитивно. В последние годы проблема нехватки кадров и на производстве, и в социальной сфере сельских поселений существенно обострилась, и не только в связи с мощным миграционным оттоком молодежи в города и другие регионы, но и из-за перевода части пограничных войск на контрактную основу. Более чем шестикратный разрыв в заработках на гражданской и военной службе снижает привлекательность организаций социальной сферы и сельхозпроизводителей в качестве потенциальных работодателей. «Контрактниками» в последнее время становятся учителя, врачи, специалисты и работники аграрного сектора, которые отказываются от своих профессиональных знаний и компетенций в пользу более высоких доходов. В качестве наиболее привлекательной карьеры для своих детей сельчане часто рассматривают пограничную или таможенную службу.

Другая проблема, обусловленная переходом пограничных войск на контрактную систему, касается непосредственно хозяйственной деятельности. Во многих приграничных хозяйствах пашни, откормочные площадки и выпасные угодья примыкают к системе пограничных инженерно-технических сооружений в пятикилометровой зоне. Доступ работников предприятия на эти земли строго регламентируется и подчиняется режиму несения пограничной службы, а не агротехническим требованиям и графикам круглосуточного дежурства на животноводческих площадках и стандартам интенсивного выполнения уборочно-посевных работ. Раньше на пропускных пунктах службу несли солдаты-срочники, чье время пребывания в наряде позволяло согласовывать графики пограничников с организацией трудового времени работников хозяйств. Сейчас, когда срочников заменили служащими-контрактниками с «гражданским» распорядком рабочего дня (перерыв на обед, регламентированная продолжительность, наличие отпусков и пр.), сельхозпредприятия стали нести существенные материальные и временные потери. Ожидание проезда сельхозмашин и работников на охраняемую территорию может длиться до нескольких часов. Возникновение нештатной (чрезвычайной) ситуации в ночное время может лишить механи-

заторов, пастухов и других работников своевременной помощи извне. Кроме того, «пограничный шлагбаум» создает проблемы интеграции хозяйственной деятельности внутри предприятия. Так, в некоторых хозяйствах корма заготавливаются «в тылу», а скот находится «на передовой» линии (или, как говорят здесь, «за системой»).

Из интервью с главой муниципального образования: *«У нас здесь два фланга – левый и правый, где пропускные пункты находятся. Там на воротах пограничники стоят с 9 до 12 утра, а потом – по согласованию. И часто такое бывает, что согласовали на 16–00, а у них что-то случается, и по 2–3 часа наш народ там стоит. И хозяйства сами с пограничниками эти вопросы все согласовывают».*

Из интервью с руководителем сельхозпредприятия: *«Почему-то их всегда приходится просить, уговаривать: “Откройте, дайте проехать!” Мы там сеем хлеб, пасем овец».*

При этом наличие пропускной системы снижает затраты на охрану пасущегося «за системой» скота, предотвращает потравы посевов, а также создает «безалкогольную» зону, что заметно повышает исполнительскую дисциплину работников. В ряде случаев граница способствует появлению автономных поселений, которые активно используют преимущества закрытого пространства и остаются дееспособными даже при отсутствии «градообразующего» сельхозпредприятия. В одном из небольших поселков Приаргунского района, расположенном за линией пограничного контроля, материальное благополучие жителей основывается преимущественно на деятельности крупных семейных хозяйств. Люди держат много скота, при этом отказываются от услуг пастухов, животные свободно пасутся на надежно охраняемой территории.

Но в целом проблема согласования интересов хозяйствующих субъектов и пограничных формирований далека от разрешения – попытки районных и сельских властей найти компромисс с военными часто не дают результатов.

Другая острая проблема связана с последствиями новой демаркации российско-китайской границы и недостаточным вниманием федеральных служб к физическому сохранению пограничной линии. Дело в том, что новая демаркационная линия, проложенная в конце 1990-х гг. и разделившая Китай и Россию

по фарватеру реки Аргунь, лишила Приаргунский район нескольких крупных островов, где раньше на заливных лугах пасли скот, а местные жители активно занимались охотой и рыбалкой. В самые сложные годы, когда люди, работающие в хозяйствах, перестали получать «живые» деньги, они лишились и традиционных промыслов и, соответственно, ресурсов для выживания.

Из интервью с представителем правительства Забайкальского края: *«Охота, рыбалка стали несколько урезанными. Для людей, живущих на границе, стало хуже! Особенно это почувствовали в те годы, когда хозяйства рухнули, особенно по Аргуни таких было много, а людям-то надо было как-то жить. Рыбы в реке вдруг не оказалось, охоты той шикарной тоже не стало. Тут еще 10 лет засуха была. Люди остались один на один со своим огородом и с ведром картошки!»*

За прошедшее десятилетие китайцы основательно укрепили и забетонировали свой берег реки, а наши берега регулярно подтапливаются, русло реки меняется, и граница все больше придвигается к нашим территориям. Под угрозой затопления находятся или уже ушли под воду заливные луга и отмежёванные долевые земли, в некоторых селах серьезно сокращаются возможности для содержания скота и другой хозяйственной деятельности.

Из интервью с представителем районной администрации: *«С нашей стороны берегоукрепительные работы практически не проводятся. Частично проводились в 2009 г., но то, что тогда делали, уже практически размыто. Существует угроза, что еще уменьшится территория. Особенно проблематично это для одного из племзаводов, где не хватает земли для выпаса. А если еще учесть, что земля отрывается из-за того, что ее подтопляет Аргунь, то все это сокращает и сенокосы, угодья, выпасы».*

Сельские власти были готовы своими силами начать укрепление берегов с российской стороны. Москва «одобрила» это начинание, предписав региональным властям изыскать для проведения этих мероприятий национального значения средства из «дырявых» местных бюджетов.

Из интервью с главой муниципального образования: *«Как китайцы укрепляют берега свои! День и ночь работают и в зиму не сидят. Мы хотели несколько комбайнов вывезти, перекрыть Аргунь, и обращались и в ФСБ, и везде, кого только ни пытались подключить к этим вопросам. Вроде проект по укрепле-*

нию берегов Аргуни создали в Чите, в Москву отправили, и его вернули обратно. Мы просили 30 млн, а нам сказали, что их нужно изыскать на краевом уровне, и эту проблему решать тут. Да, русло Аргуни меняется. Она к нам становится ближе-ближе. Вот соседние к нам деревни, которые дальше по границе идут, у них же была такая же пойма, как у нас. А теперь-то вся пойма стала китайской, берега-то сдвинулись».

К числу других инфраструктурных проблем, которые нуждаются в незамедлительном решении в контексте пограничного статуса данных территорий, относятся очень низкое качество сельских дорог, связывающих российскую и китайскую стороны, а также то, что российская сотовая связь из-за малой плотности заселения отсутствует в трех приграничных селах и еще в десяти селах по всему району. Зато услуги связи жителям района охотно предоставляют китайские провайдеры, что в условиях границы можно расценивать как нонсенс. *«Вообще по программе должны все приграничные села “закрывать” сотовой связью. Но у нас на это денег нет»* (представитель районной администрации).

Имидж России определенно страдает из-за состояния инфраструктуры пунктов пропуска через государственную границу, один из которых находится непосредственно в сельском поселении. Если на российской стороне царят убогость и неустроенность, то на китайской – бросаются в глаза солидный внешний вид и масштабы обустройства пограничных и таможенных зданий, качество автомагистралей, которые негласно демонстрируют российским соседям экономические возможности сопредельной страны.

Из интервью с руководителем сельхозпредприятия: *«На границе немножко начали оборудовать, что-то построили. А так нам стыдно перед китайцами – китайцы такие вещи уже на таможне сделали! Она начала функционировать с 1993 г. А у нас как построили забор с колючей проволокой, так он до сих пор и стоит! Вагончики “разбросали” для всяких сопутствующих служб, и все. Нет самого элементарного для туристов!».*

Аграрный вектор трансграничных отношений

Близость Китая в сочетании с относительной легкостью пересечения границы обеспечивают сельских жителей дополнительным ресурсом выживания и создают условия для развития

мелкого бизнеса, связанного с доставкой грузов и туристов, закупками товаров и размещением заказов на китайской стороне (изготовление пластиковых окон, ремонт автомобилей и пр.). Маньчжурия стала не только торговой Меккой для не избалованных изобилием жителей района, предпочитающих регулярно выезжать на шопинг в соседнее государство, но и местом для проведения их культурного и оздоровительного досуга – организации семейных торжеств, посещения рекреационных и увеселительных заведений и т.д. Низкие цены и разнообразие товаров и услуг, которые предлагают россиянам китайские предприниматели, практически не оставляют шансов для развития их конкурентам на российской стороне, особенно в Забайкалье, где высоки тарифы на энергоносители.

Аграрный рынок Забайкалья также находится под мощным влиянием потока товаров из Китая. Но это не отменяет возможности развития трансграничного партнерства, потенциал которого, к сожалению, пока используется недостаточно. Соседство с мощным в экономическом и демографическом отношении Китаем, испытывающим недостаток земельных ресурсов и заинтересованным в наращивании объемов производства продовольствия, делает слабозаселенные территории и не возделываемые плодородные земли Приаргунского района привлекательным объектом для китайских инвесторов.

Представители краевых и районных властей в своих интервью не раз высказывали мнение о том, что без организации активного взаимодействия российских и китайских предпринимателей практически невозможно придать новый импульс аграрному развитию Забайкалья. Перспективы развития отрасли в отсутствие серьезных инвестиций и эффективных мер поддержки местного производителя, работающего в сложных природно-климатических условиях, выглядят не слишком оптимистично.

Из интервью с представителем правительства Забайкальского края: *«Китайцы просят у нас в аренду землю. Много просят земли. Они готовы сюда зайти. Они просят землю на 49 лет. Они просят по 40 тысяч гектар. Им нужны объемы, чтобы здесь налаживать свое производство. Мы пока еще ничего не говорим. Нам, учитывая нашу неспособность самостоятельно обрабатывать землю, которая находится в запустении, наверное, нужно идти на эти вещи».*

Однако до сих пор, при наличии отдельных положительных примеров работы совместных российско-китайских предприятий, реальных механизмов для развития подобного партнерства не выработано. Кроме того, административные издержки, связанные с вопросами согласования условий аренды земли и подключения источников электроэнергии и других коммуникаций, сдерживают строительство новых промышленных объектов и развитие новых сфер производства с участием китайского капитала. Более того, проводимая в крае до последнего времени политика Федеральной миграционной службы препятствовала активному развитию китайского бизнеса на приграничных территориях. Миграционными службами был взят курс на сокращение квот и повышение стоимости привлечения китайских работников, которых китайские предприниматели готовы нанимать для обеспечения потребностей своего бизнеса в Забайкалье. Еще недавно российские предприятия принимали китайцев на выполнение строительных работ или же для занятия сельскохозяйственным производством, но после увеличения стоимости трудоустройства их вытеснили приезжие из республик Средней Азии.

Дополнительную сложность в организации совместного землепользования и ввода в оборот «брошенных» земель создают и неэкономические соображения. Последствия массового прихода китайских земледельцев на приграничные территории трудно прогнозируемы. Согласно российскому законодательству, на приграничных территориях иностранным гражданам запрещено не только покупать землю в собственность, но и ее арендовать. Это могут делать только совместные российско-китайские предприятия. Поэтому в исследованном нами районе постепенное освоение неиспользуемых земель происходит с участием совместного предприятия. Для получения доступа к аренде 5000 га земли из районного фонда перераспределения китайские инвесторы в составе совместного предприятия выкупили недостроенный свинокомплекс, рассчитанный на 3–5 тыс. голов, и взяли на себя обязательства по вводу его в действие. Кроме производства кормов для свиней, планируется выращивать пшеницу и рапс, которые пользуются огромным спросом в Китае.

Из интервью с представителем районной администрации: *«У нас здесь двоякая позиция. С одной стороны, хотелось бы, чтобы на этой земле закреплялись наши российские граждане,*

ведь это приграничный район – и здесь надо смотреть за этими процессами с государственной точки зрения! Китайцы достаточно активно развиваются, особенно их приграничные территории. Программы развития у них существуют, и этот интерес активизируется. С другой стороны, хотелось бы, чтобы экономика лучше в районе работала, чтобы земля использовалась. Основной налог в сельских поселениях – земельный. Поэтому, если находятся совместные фирмы, которые проявляют интерес, мы их “запускаем” на территорию».

Накопленный опыт сотрудничества в аграрной сфере на локальном уровне свидетельствует о возможности как позитивных, так и негативных эффектов. В числе позитивных – возможности получения инвестиционных ресурсов из Китая для развития сельскохозяйственного и перерабатывающего производства, обновление номенклатуры и технологий выращиваемых культур (овощеводство в открытом и закрытом грунте, выращивание арбузов, производство рапсового масла в промышленных масштабах), а также доступ на рынки сбыта соседнего государства за счет формирования комплекса интеграционных связей. Негативные эффекты могут быть связаны с экологическими проблемами, с государственным регулированием, в частности, проблемами санитарно-ветеринарного контроля.

Совместные российско-китайские предприятия часто идут на диверсификацию своей экономической деятельности. Помимо сельскохозяйственного производства они осваивают рынки строительных материалов и строительных услуг, сферы обслуживания (общественное питание, бани и пр.), пытаются заниматься сборкой промышленной продукции. На территории России китайские инвесторы стремятся создать мощности по переработке местного сырья. С одной стороны, они следуют предписаниям китайских властей по ограничению вывоза в Китай из России немытой шерсти, невыделанных шкур животных, непереработанного рапса. С другой стороны, увеличение спроса приводит к росту цены на сырье и дает российским производителям шанс повысить доходность и финансовую устойчивость своих предприятий.

В то же время фактическое исчезновение отечественного камвольного производства и возрастающая зависимость от импорта шерстяных изделий подрывают возможности отечественного

производства шерсти, сводят на нет усилия государства по восстановлению племенных овцеводческих хозяйств.

Представитель районной администрации: *«Себестоимость производства составляет 180–200 руб. за 1 кг шерсти. Продаем мы максимально, вот как в прошлом году, 1 кг за 100 руб. Бывает, и за 85 руб. При этом идет очень серьезная поддержка племенным хозяйствам, проводятся ежегодные выставки. Нас всегда поддерживают – вне зависимости от того, будет востребована шерсть или нет».*

Самые высокие цены на шерсть, производимую в районе, предлагают как раз китайские заготовители – они же, по видимости, будут в дальнейшем определять погоду и на других сырьевых рынках.

Представитель районной администрации: *«Один из мощнейших мясокомбинатов края, который работал в советский период, выкупили китайцы. Они ставят там оборудование для мойки шерсти. Также они будут вести первичную или более глубинную обработку кожсырья, будут выделывать овчину. Они в прошлом году шерсть по району закупили, она у них вся лежит под это предприятие. Недавно сказали, что снова самую высокую цену дадут на шерсть».*

Делая главную ставку на китайский спрос, забайкальские производители шерсти не оставляют надежд на то, что наконец-то и внутри России, в связи с переходом на более теплые и экологичные модели военной формы, возникнет интерес к восстановлению утраченных позиций в производстве шерстяных тканей и выделывании шкур. Увеличению спроса на шерсть будет, по оценкам экспертов, способствовать и возвращение обязательной формы одежды для школьников с утвержденным регламентом состава тканей.

«Представитель Министерства сельского хозяйства нам говорил о том, что в связи с вводом единой школьной формы увеличится спрос на шерсть, так как там должно присутствовать 30% шерсти. В связи с тем, что у нас в армии началась очередная реформа, Шойгу там многое не нравится, то там тоже может возникнуть повышенный спрос – до 40% в военной форме должно шерсти содержаться».

Сбудутся ли эти надежды – покажет время, но этот пример явно указывает на то, что заметное улучшение ситуации в аграрной отрасли невозможно без воссоздания или же модернизации

собственной системы переработки и формирования устойчивого спроса на отечественные товары.

Пока же сырьевой характер забайкальского АПК серьезно сказывается на экологической ситуации в приграничных территориях. Еще несколько лет назад мощности по производству мытой шерсти и обработке кожи, сырье для которых массово скупалось китайскими предпринимателями у российских производителей, располагались на китайской стороне реки Аргунь. Регулярные сбросы в реку используемых в этих производствах химикатов привели к гибели местных биоресурсов – прежде всего, промысловых пород рыбы. В последнее время ситуация несколько улучшилась в связи с ужесточением экологического законодательства в Китае и запретом деятельности мелких технологически несовершенных предприятий в природоохранной зоне.

Представитель правительства Забайкальского края: *«Я радуюсь, что в реке Аргунь вновь появилась рыба. Местное население всегда питалось рыбой. А в последние годы ее не стало: китайцы все потравили у себя. Отрава сюда приходила, Аргунь же течет с их стороны. Мало того, что Аргунь обмелела, но там еще плавали какие-то включения, был резкий запах шерсти».*

При позитивных экологических изменениях на приграничных территориях серьезные опасения продолжает вызывать ветеринарно-санитарная обстановка: в последние годы постоянно вспыхивают забытые с начала 1950-х годов инфекционные заболевания сельскохозяйственных животных. В связи с тем, что Приаргунский и Забайкальский районы являются буферной санитарной зоной, там проводится ежегодная вакцинация животных. Но, как признают эксперты, государство закупает самую дешевую и низкоэффективную вакцину, которая не спасает поголовье скота, овец, лошадей от прихода с сопредельной стороны различных вирусов. Другой источник инфекционных вспышек – недостаточная зоотехническая культура местного населения, которое слабо мотивировано на то, чтобы обеспечивать своих животных (количество которых на подворьях растет) необходимым ветеринарным контролем и проводить регулярную вакцинацию. Так, в марте 2013 г. в Приаргунском районе была зафиксирована вспышка ящура крупнорогатого скота юго-восточного типа, до этого были эпидемии оспы среди овец и сапа среди лошадей.

Из интервью с главой муниципального образования: *«В последний раз эти заболевания скота были у нас в 1953 г. У нас все эти забытые болезни начали возникать сегодня систематически. Все наши хозяйства уже три крупных вспышки таких болезней прошли, практически по всем видам животноводства».*

Эксперты, которых мы опрашивали, склоняются к тому, что причины этих вспышек – скученность размещения поголовья и слабое ветеринарное обслуживание животных на китайской стороне. Китайские власти, как правило, не предоставляют российской стороне информацию о вспышках заболеваний. Местные жители делают выводы о возникновении каких-то чрезвычайных ситуаций у соседей по мощным выбросам белого дыма от сжигания заболевших животных: *«В Китае очень часто эти вспышки происходят – практически каждый год. Они уничтожают свой скот практически на наших глазах».* Если Россия является членом международных ассоциаций, призванных следить за санитарно-ветеринарной безопасностью, и ей вменяется обязанность оперативно информировать международное сообщество о возникающих очагах заболеваний, то Китай членства в этих ассоциациях не имеет, ограничиваясь статусом наблюдателя. Нежелание Китая сотрудничать с Россией в этой области эксперты объясняют спецификой деловой этики китайских предпринимателей, способных пренебречь эпизоотической безопасностью ради сохранения потоков российских туристов и покупателей.

Потери от вынужденного уничтожения лошадей и скота для местных сельхозпредприятий весьма существенны, в полной мере они никем не компенсируются. Потери частных подворий не столь велики, так как домохозяйствам гораздо проще создать условия карантина в отдельно стоящих коровниках и хлевах.

Из интервью с главой муниципального образования: *«Табун лошадей у нас полностью уничтожили в прошлом году. Часть лошадей практически за бесценок сдали на мясокомбинат на глубокую переработку. В этом году такая же участь ждет 1000 голов КРС. В основном переболел скот из сельхозпредприятия, который содержится в одном месте. Потерю лошадей нам из краевого бюджета частично компенсировали – дали 2 млн руб. За переболевший скот, который является носителем вируса, предлагают всего 30 руб. за 1 кг живого веса».*

Это меньше половины рыночной стоимости говядины, сложившейся по нашему району, которая и так очень низка».

*** * ***

Обобщение авторских наблюдений и материалов интервью, проведенных исследовательским коллективом в Забайкальском крае, убеждает в том, что в данном случае мы имеем дело с особой социальной реальностью, характерной для территорий, находящихся на глубокой периферии государственных интересов. С одной стороны, люди, живущие в экстремальных условиях, выработали собственную систему правил выживания – и близость Китая им в этом смысле очень помогла. Они научились жить «за системой» и хозяйствовать самостоятельно. С другой стороны, они постоянно сталкиваются с неэффективностью или даже полным отсутствием участия государства – будь то проблемы сохранения береговой пограничной линии, приводящие к тому, что под воду уходят их земли; регулярная потеря сельскохозяйственных животных от пришедших из-за границы болезней или другие, решить которые своими силами они не могут.

Что дальше? Очевидно, что такие постоянно действующие факторы, как высокие тарифы на энергоресурсы, неразвитость инфраструктуры, отсутствие надежных рынков сбыта, подрывают конкурентоспособность местных производителей и предопределяют депрессивный характер сельской экономики края. Вместе с тем усиление восточного вектора развития, переориентация России на сотрудничество с Китаем и другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона может стать новым шансом развития Забайкалья. Однако с этим же связана и малопривлекательная перспектива постепенного превращения региона в ресурсно-сырьевой придаток стремительно развивающихся северных территорий КНР. Разумной альтернативой последнему сценарию мог бы стать переход к «симметричной» модели партнерских отношений в разных сферах взаимодействия между местными производителями и их иностранными контрагентами, которая в большей степени учитывала бы экономические, социальные и экологические интересы российской стороны.